

Финогентов В.Н.,
доктор философских наук, профессор,
Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина

Возможно ли решение философских проблем средствами и методами специальных наук?

В статье обсуждаются возможности решения философских проблем средствами и методами специальных наук. Показано, что предметное рассмотрение этого вопроса требует выделения качественно различных типов философских проблем: а) «временно философских» проблем, б) «кентавровых» (гибридных) философских проблем, в) фундаментальных философских проблем. Продемонстрировано, что возможности специальных наук в решении проблем указанных типов принципиально различны.

Ключевые слова: философская проблема, «временно философская» проблема, подлинно философская проблема, «кентавровая» (гибридная) философская проблема, фундаментальная философская (мировоззренческая) проблема, полицентрическая культура.

Finogentov V. N.,
doctor of philosophy, Professor,
Orel state agrarian University named after N. V. Parakhin

Is it possible to solve philosophical problems by means and methods of special sciences?

The article discusses the possibilities of solving philosophical problems by means and methods of special sciences. It is shown that the substantive consideration of this issue requires the identification of qualitatively different types of philosophical problems: a) "temporarily philosophical" problems, b) "centaur" (hybrid) philosophical problems, c) fundamental philosophical problems. It is demonstrated that the capabilities of special sciences in solving these types of problems are fundamentally different.

Keywords: philosophical problem, "temporarily philophic" problem, truly philosophical problem, "centaur" (hybrid) philosophical problem, fundamental philosophical (worldview) problem, polycentric culture.

Интерес к вопросу, вынесенному в заглавие статьи, обусловлен не в последнюю очередь тем обстоятельством, что в наше время актуализировался и достаточно широко распространился подход, в рамках которого от лица различных специальных наук провозглашается возможность окончательного решения некоторых фундаментальных и сложнейших философских проблем.

Например, и в наши дни совсем нередки работы, в которых от лица современной физики утверждается иллюзорность времени. Естественно,

признание времени иллюзией представляет собой определенную форму окончательного решения фундаментальной философской проблемы времени. Еще одну, в некотором смысле аналогичную, претензию на окончательное решение сложнейшей философской проблемы мы находим в трудах многих представителей современной нейронауки. Я имею в виду тех многочисленных авторов, которые от лица стремительно развивающегося комплекса нейронаук, отрицают реальность свободы человека. Здесь можно было бы привести и другие аналогичные примеры.

В связи с этим меня в данной статье интересует вопрос: насколько вообще обоснована позиция, согласно которой фундаментальные философские проблемы можно решить средствами и методами специальных наук?

В свою очередь адекватный ответ на этот вопрос можно получить только, прояснив особенности философских проблем, в частности прояснив соотношение философских проблем, с одной стороны, и проблем специальных наук, с другой стороны. Ведь очевидно, что специальные науки предназначены для решения именно специально-научных проблем, а их возможности в решении философских проблем, несомненно, нуждаются в обсуждении и уточнении.

Здесь непременно следует сказать, что прояснение природы философских проблем в некотором смысле тождественно прояснению природы самой философии, ибо, согласно достаточно серьезно обоснованному мнению, самой существенной и наиболее инвариантной составляющей философии являются именно философские проблемы. Иначе говоря, прояснение характера философских проблем – это чрезвычайно сложная и весьма объемная, многогранная задача. И, разумеется, я отнюдь не претендую здесь на ее «окончательное решение».

Моя задача в данной статье гораздо скромнее. Как указано в ее названии, я концентрирую здесь свое внимание только на одном, правда, очень важном, аспекте этой масштабной задачи: на взаимных отношениях философских проблем, с одной стороны, и специально-научных проблем, с другой стороны. При этом я покажу, что эти взаимоотношения отнюдь не являются простыми и однозначными. Я продемонстрирую также, что, рассматривая эти взаимоотношения, необходимо обязательно учитывать существование трех качественно различных типов философских проблем. Соответственно, ниже будет показано, что возможности специальных наук в решении философских проблем, принадлежащих разным типам, принципиально различны.

Пытаясь ответить на вопрос о взаимоотношениях философских и специально-научных проблем, непременно следует иметь в виду, что обсуждение этого вопроса имеет длительную и богатую историю. И, конечно, некоторые существенные элементы этой истории, так или иначе, будут присутствовать в моей статье. Однако мой подход к указанному вопросу не является историко-философским обзором различных толкований характера взаимоотношений философских и специально-научных проблем. Подход,

развиваемый мной ниже, является преимущественно теоретическим и систематическим.

Итак, далее я буду говорить о трех существенно отличающихся друг от друга типах философских проблем. Как уже сказано, философские проблемы, принадлежащие к этим типам, и в этом мы скоро убедимся, очень серьезно отличаются друг от друга по интересующему нас признаку: по возможностям их решения средствами и методами специальных наук. Конкретнее. Философские проблемы первого типа в процессе исторического развития познавательных практик, как правило, преобразуются в специально-научные проблемы и далее решаются средствами и методами специальных наук. Философские проблемы второго типа имеют комплексный, «гибридный» характер, поэтому специально-научному решению поддаются только некоторые их составляющие. Наконец, в решение философских проблем третьего типа специальные науки могут внести лишь опосредованный и весьма ограниченный вклад.

Философские проблемы первого типа я буду называть «временно философскими» проблемами.

Обширное множество проблем такого типа выявляет внимательное рассмотрение различных этапов истории взаимоотношений философии, с одной стороны, и растущего класса специальных наук, с другой стороны. Особенно широко проблемы такого типа были распространены на относительно ранних этапах развития философии.

Например, весьма показательны в этом плане взаимоотношения натурфилософии и естествознания. Не входя в детали, можно сказать, что такие – «временно философские» – проблемы формулировались в качестве философских проблем в различные периоды развития натурфилософии, потому что соответствующие естественные науки в эти периоды либо еще не сформировались, либо еще находились только на стадии становления. Как правило, в ходе последующего развития комплекса естественных наук на смену таким – натурфилософским («временно философским») – формулировкам проблем приходили соответствующие (гораздо более адекватные и точные) их естественнонаучные формулировки. По крайней мере, это справедливо по отношению к наиболее содержательным и эвристичным натурфилософским формулировкам. Известно, например, что натурфилософские рассуждения Ф.В.И. Шеллинга о единстве всех сил природы сыграли далеко не последнюю роль в открытии Х.К. Эрстедом взаимосвязи электрических и магнитных явлений. Разумеется, для совершения этого открытия Эрстеду пришлось осуществить «перевод» натурфилософской проблемы на язык еще только формирующейся электродинамики. Эрстеду пришлось, иначе говоря, конкретизировать и уточнить, «приземлить» соответствующую «временно философскую» проблему.

Здесь, конечно, можно было привести и другие примеры трансформации философских проблем такого рода в проблемы специально-научные. В частности, многие философские проблемы, относившиеся к психике и сознанию, позже трансформировались в проблемы обретшей

самостоятельность психологии и сформировавшихся нейронаук; соответственно, значительное количество проблем философии истории в двадцатом столетии преобразовалось в проблемы теоретической социологии и т.д.

Все эти примеры убедительно показывают, что на протяжении длительного времени философия, кроме всего прочего, была способна по отношению к некоторым, еще только формирующимся, специальным наукам выполнять функции своего рода протонауки. То есть философия могла тогда давать предварительные (пробные) постановки многих проблем, которые касались областей действительности, еще не ставших на тот момент предметом специально-научного познания. Вопрос о том, способна ли философия выполнять такого рода функцию в настоящее время, требует дополнительного обсуждения. Но, в общем, категорически исключать наличие подобной функции и у современной философии, по всей видимости, не следует.

Как видим, само существование «временно философских» проблем и присутствие описанного выше феномена трансформации таких философских проблем в специально-научные проблемы на многих этапах развития философии и специальных наук сомнений не вызывает. Добавлю к только что сказанному, что об этом феномене в разное время писали многие авторы. Так, на некоторые существенные моменты указанного рода трансформаций философских проблем в специально-научные проблемы указал в свое время Т.И. Ойзерман [Вайсман, 2001]. Любопытную оценку рассматриваемого феномена мы находим также в работе Б. Рассела с многообещающим названием «Проблемы философии». В ней мы читаем в частности: «Те вопросы, на которые уже можно дать ответ, относятся к наукам, а те, на которые в настоящий момент времени такого ответа нет, принадлежат остатку, называемому философией» [Рассел, 2007: 116-117].

В связи с этим более сложным и одновременно более интересным представляется вопрос: не являются ли все философские проблемы на самом деле такого рода «временно философскими» проблемами? Кстати, в только что приведенном высказывании Б. Рассела содержится явный намек на то, что именно такова в действительности природа всех философских проблем. Однако сформулированное мной выше утверждение о существовании трех, существенно отличающихся друг от друга типов философских проблем с необходимостью ведет нас к отрицательному ответу на этот вопрос, поскольку «временно философские» проблемы образуют только один из этих типов. Тем не менее, в истории философии достаточно ярко представлена точка зрения, сторонники которой склонны были положительно отвечать на только что поставленный вопрос.

Иначе говоря, сторонники этой точки зрения склонны были полагать, что указанный выше процесс трансформации философских проблем в проблемы специальных наук отнюдь не закончился на предшествующих этапах развития философии, что он продолжается в настоящее (для этих авторов) время и что такой процесс продолжится в обозримом будущем. Эти

авторы полагали даже, что этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока все философские проблемы, в том числе те философские проблемы, которые мы ныне определяем как фундаментальные, подлинные философские проблемы, не трансформируются в проблемы уже существующих или вновь сформировавшихся наук. Соответственно, они склонялись к выводу, согласно которому все существующие в настоящее время философские проблемы должны быть решены уже существующими специальными науками, или они будут в свое время решены теми специальными науками, которые появятся в будущем. Любопытно, что проблемы, которые я называю «временно философскими» проблемами, рассматривались такими авторами в качестве наиболее ценного варианта философских проблем. Все остальные проблемы, присутствующие в философии, они оценивали как, по сути, бессмысленные проблемы.

Я веду речь здесь о сторонниках, так сказать, негативистского подхода к философским проблемам. Сторонники этого подхода (в частности Л. Витгенштейн и неопозитивисты) полагали, как известно, что философских проблем, строго говоря, не существует. Иными словами, они полагали, что большинство так называемых философских проблем на самом деле просто бессмысленны, а те немногие из философских проблем, которые нельзя отнести к бессмысленным проблемам, при ближайшем рассмотрении и при соответствующем уточнении оказываются проблемами специальных наук.

«Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, – писал, в связи с этим Л. Витгенштейн, – не ложны, а бессмысленны» [Витгенштейн, 1994: 18]. Хорошо известно, что отношение к философии как к «совокупности псевдопроблем» было характерно также для многих представителей неопозитивизма. Так, например, организатор Венского кружка М. Шлик писал: «Нет никаких специфически «философских» истин, которые представляли бы собой решения «философских» проблем...» [Шлик, 2001:75]. Он подчеркивал, что «... все настоящие проблемы являются научными и других проблем не существует» [Шлик, 2001:76]. Впрочем, указывал далее М. Шлик, некоторые «философские» проблемы оказываются настоящими проблемами. Однако более внимательный анализ показывает, что такие проблемы в действительности это не какие-то специально «философские», а «просто научные проблемы», разрешимые методами науки» [Шлик, 2001:76]. По сути, аналогичные негативистские характеристики философских проблем мы встречаем в работах других выдающихся представителей логического позитивизма (см., в частности сочинения [Карнап, 2001], [Вайсман, 2001], [Айер, 2010]). И для них философские проблемы – это чаще всего бессмысленные проблемы. И лишь некоторые из философских проблем, по их мнению, могут быть с помощью их логического прояснения научно сформулированы и научно решены, то есть представляют собой уже знакомые нам «временно философские» проблемы.

Таким образом, можно считать, что весьма широкая распространенность феномена «временно философских» проблем является одним из основных истоков возникновения достаточно широко распространившегося в свое

время негативистского подхода к философским проблемам. Другим истоком такого подхода к философским проблемам является то, что во многих философских текстах, к сожалению, нередко встречаются неясные, некорректные и переусложненные формулировки. В работах логических позитивистов, в том числе, в работах Р. Карнапа (см. [Карнап, 2001]), приведено и критически разобрано немало примеров формулировок такого рода. Это, в частности, некоторые особенно «темные» формулировки из сочинений Г. Гегеля и М. Хайдеггера. Очевидна правомерность и даже необходимость критики, «прояснения» и «преодоления» подобных формулировок. Поэтому возникновение и развитие указанного выше критического подхода к философии вообще и к философским проблемам в частности представляются вполне естественными и даже необходимыми. В конце концов, этот подход можно рассматривать как своеобразную форму самокритики философии, как попытку сделать ее более логичной, последовательной и строгой дисциплиной.

С другой стороны, следует всецело согласиться с К.Р. Поппером, который, критикуя подход Л. Витгенштейна и его последователей, по существу отрицавших само существование философских проблем, писал, что «... Философия интересует меня лишь постольку, поскольку я занят решением подлинно философских проблем» [Поппер, 2004:124]. Действительно, трудно понять, чем может привлечь философия, если в ней только бессмысленные и «временно философские» проблемы.

Иначе говоря, сторонники негативистского подхода к философским проблемам в своей критике философских неясностей и «темнот» «переходят границу меры» и «выплескивают вместе с водой и ребенка»: они не видят наличия в философии настоящих, подлинных философских проблем. В связи с этим, используя выражение К.Р. Поппера, об их позиции можно сказать, что она не только антиметафизическая, но и антифилософская (см. [Поппер, 2001: 126]).

К обсуждению особенностей таких – подлинных – философских проблем я сейчас и приступаю.

Первое и очевидное различие между «временно философскими» проблемами и подлинно философскими проблемами состоит в том, что «временно философские» проблемы рано или поздно трансформируются в специально-научные проблемы и в принципе могут быть решены средствами и методами соответствующих специальных наук. В отличие от «временно философских» проблем подлинно философские проблемы обязательно содержат такие составляющие, которые могут быть сформулированы только на языке философии. Соответственно, глубоко и плодотворно обсуждаться (и в определенной мере решаться) подлинно философские проблемы могут только на основе философских идей и концепций. Специально-научные средства и методы при этом играют лишь вспомогательную и ограниченную роль. Но решающая роль в глубоком и плодотворном обсуждении подлинно философских проблем принадлежит не им, а собственно философскому инструментарию.

Как уже сказано, мы полагаем, что следует различать два класса «подлинно философских» проблем.

Первый из этих классов философских проблем я буду называть классом (типом) «кентавровых» проблем. Возможны различные варианты разъяснения природы кентавровых философских проблем.

Весьма удобным для достижения этой цели представляется подход, опирающийся на использование конструкта полицентрической культуры, введенного в моих предшествующих работах. В этих работах полицентрическая культура представляется мной в виде системы относительно самостоятельных и в то же время взаимосвязанных и взаимопроникающих секторов культуры: нравственности и искусства, права и политики, экономики и религии, науки и философии и т.д. Нетрудно догадаться, что полицентрическая культура противопоставляется моноцентрической культуре. Моноцентрическая культура характеризуется тем, что в ней присутствует один, абсолютно доминирующий сектор. Этот – абсолютно доминирующий – сектор, по сути, детерминирует все остальные ее секторы. Такой – моноцентрической – культурой была, например, культура Средневековья. В качестве абсолютно доминирующего сектора в Средние века, очевидно, выступала религия. Соответственно, тогдашний вариант моноцентрической культуры следует характеризовать как религиоцентрическую культуру, и закат Средневековья был закатом религиоцентрической культуры. Начиная с эпохи Возрождения, в Европе формируется и развивается полицентрическая культура со всеми ее достоинствами и недостатками.

Введение конструкта полицентрической культуры помогает, на мой взгляд, в решении многих актуальных философских и культурологических проблем (см. об этом [Финогентов, 2009]).

В рассматриваемом плане данный конструкт позволяет утверждать, что философия, являясь относительно автономным сектором культуры, подобно другим секторам культуры, имеет своего рода «твердое ядро». Это «твердое ядро» включает в себя, в частности, формулировки фундаментальных философских проблем, а также разнообразные подходы к их решению. Такие – фундаментальные – философские проблемы образуют второй класс подлинно философских проблем. Подробнее о таких философских проблемах я буду говорить ниже. Здесь отмечу только, что уже рассмотренные «временно философские» проблемы, обсуждаемые сейчас кентавровые философские проблемы, а также фундаментальные философские проблемы и составляют три принципиально различных класса философских проблем, упомянутых выше.

Очевидно, что философия как относительно автономный сектор полицентрической культуры, наряду со своим «твердым ядром», содержит своего рода «внешние оболочки». Действительно, как уже сказано, философия в качестве сектора полицентрической культуры находится в многообразных взаимосвязях с другими секторами культуры (с наукой, с религией, с нравственностью, с искусством и т.п.). И именно эти взаимосвязи,

взаимовлияния, взаимопроникновения, по сути, неизбежно приводят к формированию различного рода кентавровых образований. Такие образования соединяют в себе, с одной стороны, существенные философские составляющие, с другой стороны, научные (религиозные, этические, правовые и т.п.) компоненты. В качестве образований такого рода можно рассматривать, например, так называемые специализированные философские дисциплины: философию науки, философию религии, философию права...

Для нас сейчас важнее всего подчеркнуть, что в таких дисциплинах формулируются и решаются зачастую именно упомянутые выше кентавровые философские проблемы, то есть проблемы, которые, наряду с собственно философскими составляющими, непременно имеют и иные составляющие (научные, религиозные, этические и т.д.).

Разумеется, меня в данном случае более всего интересует тот вид кентавровых философских проблем, которые представлены в философии науки и, так или иначе, соединяют в себе как собственно философские, так и специально-научные компоненты. Понятно, что такого рода проблемы, как на стадии их постановки, так и на стадии их решения, требуют осуществления дифференцированного подхода. В частности, такие проблемы требуют аккуратного, компетентного и точного вычленения в них, с одной стороны, философской составляющей, с другой стороны, специально-научной составляющей. Несомненно также, что формулировка, обсуждение и решение кентавровых философских проблем требуют как собственно философской, так и обширной специально-научной, компетенции, требуют, иначе говоря, совместных усилий философов и представителей соответствующих специальных наук.

В связи с только что сказанным следует напомнить позицию К.Р. Поппера, согласно которой многие философские проблемы (кентавровые философские проблемы, согласно нашей терминологии) проистекают из проблем, возникающих «за пределами философии, – например, в математике, космологии, политике, религии или в общественной жизни» [Поппер, 2001: 126]. Показательно, что при этом сам К. Поппер преимущественное внимание уделяет тем кентавровым философским проблемам, которые сейчас нас более всего интересуют. А именно: он анализирует в первую очередь те философские проблемы, которые продиктованы осмыслением некоторых фундаментальных специально-научных проблем или эпохальными достижениями соответствующих специальных наук. Обсуждая такие проблемы, он совершенно справедливо говорит, что «чисто» философских проблем не существует [Поппер, 2001: 129]. Поппер указывает, что в таких философских проблемах, как правило, присутствуют также научные, логические и даже фактуальные компоненты. Очевидно, что здесь Поппер говорит именно о тех проблемах, которые я характеризовал как кентавровые философские проблемы.

Класс философских проблем такого типа является весьма многочисленным. В частности, к этому классу относятся философские проблемы естествознания. В качестве представительного примера проблем

этого типа можно указать проблему определения своеобразия детерминации микрофизических процессов и состояний. Очевидно, что эта проблема носит кентавровый характер. Действительно, с одной стороны, эта проблема поистине философская, поскольку ее формулировка и обсуждение требуют использования философских понятий, принципов и концепций: понятий причины и следствия, темпоральных категорий, принципа причинности и т.п. С другой стороны, эта проблема, несомненно, содержит в себе весомую специально-научную (физическую в данном случае) составляющую. И эта специально-научная (физическая) составляющая не может быть ни сформулирована, ни обсуждена (и в определенной степени решена) без использования соответствующих специально-научных понятий, законов, принципов и теорий. В данном случае – без понятий, законов и принципов квантовой теории.

Теперь обратимся к краткому обсуждению философских проблем третьего типа: фундаментальных философских проблем.

Специфика фундаментальных философских проблем истолковывается по-разному различными авторами. Некоторые из них полагают, что все такие проблемы представляют собой различные проекции так называемого «основного вопроса философии» (вопроса о взаимоотношениях материи и духа). Другие исследователи считают, что все фундаментальные проблемы философии являются различными гранями проблемы смысла жизни человека. Третьи утверждают, что все фундаментальные философские проблемы концентрируются вокруг главной задачи философии, которая состоит в постижении духовной культуры в целом... Показательно, впрочем, что сам перечень фундаментальных философских проблем, можно сказать, инвариантен. По сути, этот перечень повторяется у большинства выдающихся философов, к какому бы направлению они ни принадлежали. Другими словами, достаточно весомо в трудах многих философов представлены, так сказать, сбалансированные перечни фундаментальных философских проблем. Широко известен, в частности, такой – в целом сбалансированный – кантовский перечень фундаментальных философских проблем: 1) что я могу знать? 2) что я должен делать? 3) на что я смею надеяться? 4) что такое человек? [Кант, 1980: 332].

Наличие такого «инвариантного ядра» в перечнях фундаментальных философских проблем, формулируемых выдающимися философами, принадлежащими к различным философским школам и социокультурным эпохам, на мой взгляд, является серьезным свидетельством в пользу того, что у философии уже сложилось свое собственное специфическое «проблемное поле». И это проблемное поле, несомненно, образовано философски отчетливо сформулированными основополагающими мировоззренческими проблемами. Указанное обстоятельство, как мне представляется, следует рассматривать также как весомый аргумент, указывающий на относительную самостоятельность и самоценность философии, на незаменимость философии другими секторами культуры, в частности на незаменимость философии комплексом специальных наук.

Разумеется, некоторые различия в перечнях фундаментальных философских проблем, приводимых разными авторами, можно обнаружить. Но эти различия определяются преимущественно собственными философскими интересами соответствующих авторов. Кто-то из них больше внимания уделяет онтологической проблематике, кто-то – проблематике гносеологической, кто-то – антропологической проблематике, кто-то – проблематике историософской и т.д. Но более внимательное рассмотрение такого рода перечней обязательно покажет, что в них в свернутом и, можно сказать, скрытом виде присутствует большинство фундаментальных философских проблем.

Вспомним в связи с этим, например, принадлежащие А. Камю широко известные, очень эффектные и чрезвычайно односторонние фразы, раскрывающие его понимание своеобразия философской проблематики. «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема, – говорил он, – проблема самоубийства». И далее: «Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями – второстепенно» [Камю, 1990: 24].

Нет никакого сомнения в том, что вопрос, о котором писал А. Камю, является одним из основополагающих в философии. Но, на мой взгляд, французскому мыслителю вряд ли стоило так возвышать этот вопрос над другими важнейшими проблемами философии, вряд ли ему стоило противопоставлять этот вопрос другим проблемам философии. В конце концов, более или менее основательно ответить на вопрос, «стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить», можно только вовлекая в рассмотрение немало других очень серьезных философских (мировоззренческих) проблем. Например, – вопрос о месте человека в мире; вопрос о познавательных и преобразовательных возможностях человека; вопрос о природе ценностей и смыслов и т.д. Можно даже сказать, что все фундаментальные философские проблемы в глубине своей непременно сходятся, что попытка решить какую-либо из них, приводит к необходимости вовлечь в это решение обсуждение множества других фундаментальных философских проблем.

Кстати, в этой глубинной взаимосвязи всех фундаментальных философских проблем можно усмотреть одну из их существенных особенностей. Показательное в этом плане описание характера взаимосвязи философских проблем мы находим у В.П. Прыткова. Раскрывая основные характеристики философских проблем, он, в том числе, пишет о «голографической связности философских проблем друг с другом (по принципу «все во всем»)» [Прытков, 1998:704]. Иными словами, цитированный автор справедливо подчеркивает, что в каждой фундаментальной философской проблеме в некотором смысле содержатся все остальные фундаментальные философские проблемы. Это, разумеется, делает особенно сложным процесс решения любой фундаментальной философской проблемы. Можно предположить, что именно поэтому так низки темпы прогресса в решении основополагающих философских проблем.

Разумеется, только что сказанное не отрицает наличия разнообразных взаимосвязей, например, научных проблем. Но все-таки, как показывает опыт научных исследований, в отличие от фундаментальных философских проблем, многие специально-научные проблемы могут рассматриваться и решаться, по сути, независимо друг от друга.

Таким образом, говоря о философских проблемах, мы обязательно должны подходить к ним дифференцированно. Иначе говоря, мы обязательно должны учитывать существование различных типов философских проблем. Выше показано, что следует говорить, как минимум, о трех качественно своеобразных типах философских проблем: о «временно философских» проблемах, о «кентавровых» философских проблемах, о фундаментальных философских проблемах.

Имея в виду эту сложную и динамичную картину, мы можем вернуться к основному вопросу данной статьи: возможно ли решение философских проблем средствами и методами специальных наук?

Как уже сказано, многие «временно философские» проблемы рано или поздно трансформируются в проблемы соответствующих специальных наук и решаются такими науками. Это происходит тогда, когда формируются и достигают определенной зрелости соответствующие специальные науки.

Что касается «кентавровых» проблем, то для их решения требуются совместные усилия философов и представителей соответствующих специальных наук. Это может происходить в разных формах. В частности, возможно вычленение из такой «кентавровой» проблемы, с одной стороны, ее специфически философской составляющей и, с другой стороны, формулировка специфически специально-научной ее составляющей. В таком случае, естественно, философы должны заниматься философской составляющей такой проблемы, а представители соответствующих специальных наук формулировать и собственными методами и средствами решать (вполне возможно, успешно) ее специально-научную составляющую.

Понятно, что фундаментальные философские проблемы должны формулироваться и решаться именно философами и, в первую очередь, средствами философии. Специально-научные проекции таких проблем, как уже сказано, касаются только их периферии. И, соответственно, представители специальных наук могут внести в их решение только незначительный и опосредованный вклад.

Таким образом, если мы встречаемся с попыткой специально-научного решения некоторой философской проблемы, то, прежде всего, мы должны определить, к какому именно из представленных выше типу проблем принадлежит эта проблема.

Здесь уместно, на мой взгляд, вернуться к краткому обсуждению тех двух философских проблем, на «окончательное» решение которых методами и средствами специальных наук, как сказано в начале статьи, претендуют некоторые представители соответствующих специальных наук: проблемы времени и проблемы свободы.

В духе сказанного выше, прежде всего нам следует определить, к какому классу философских проблем принадлежат указанные проблемы: к классу «временно философских» проблем, к классу кентавровых философских проблем или к классу фундаментальных философских проблем.

На мой взгляд, правомерно предположить, что обе указанные проблемы относятся к классу фундаментальных философских проблем.

Обосновать это предположение можно несколькими аргументами. Во-первых, эти проблемы относятся к сердцевине мировоззренческой проблематики. В частности, в этом плане можно указать на то, что эти проблемы теснейшим образом связаны с основополагающей мировоззренческой проблемой, с проблемой смысла жизни человека. Во-вторых, формулировка, обсуждение и решение этих проблем требуют достаточно глубокого осмысления итогов развития не только науки, но и всех остальных секторов культуры. Поэтому на современном уровне эти проблемы могут быть более или менее адекватно сформулированы только на языке философии.

Так, формулировка, обсуждение и решение проблемы времени предполагают использование философских понятий субъекта бытия, процессуальности и темпоральности, самоидентичности и несамоидентичности, (онтологической) памяти, обратимости и необратимости, инновационности и т.д. Очевидно, что ни одна из специальных наук (в том числе физика) не оперирует таким набором понятий. Следовательно, специальная наука (физика в частности) может на языке соответствующих физических теорий формулировать и решать только те проблемы, которые касаются темпоральных характеристик физических систем и процессов. Так, например, распространенное в современной физике представление об иллюзорности времени основывается на том, что в частной и в общей теориях относительности в качестве фундаментального объекта, репрезентирующего физическую реальность, фигурирует четырехмерный пространственно-временной континуум. И время в этих теориях является «всего лишь одним из (четырех) измерений этого континуума». Причем, и это в обсуждаемом контексте, несомненно, является самым важным, в названных физических теориях в некотором смысле изначально задан весь этот пространственно-временной континуум. Иными словами, с точки зрения указанных теорий, в равной степени реальным является то, что мы привычно называем настоящим, прошлым и будущим. Таким образом, в этих теориях никак не фиксируются фундаментальные свойства процессуальности, отражающиеся в конструкте необратимого времени: становление и инновационность. Поэтому, конечно, существование этих – успешных во многих отношениях – физических теорий говорит не об иллюзорности времени, а о принципиальной ограниченности их возможностей в описании необратимого времени. (См. об этом подробнее в [Финогентов, 2020]).

Соответственно, формулировка, обсуждение и решение проблемы свободы предполагает использование философских понятий субъекта бытия (субъекта свободы), детерминации и самодетерминации, спонтанности и

предопределенности, выбора и решения, ответственности и отчуждения и т.д. Понятно, что специальные науки (современная нейронаука в частности) используют совсем другие понятия, понятия, с помощью которых структурируется и описывается предметная область данной специальной науки. С помощью этих понятий могут быть сформулированы и решены только проблемы соответствующей специальной науки. В том числе могут быть сформулированы и решены те специально-научные проблемы, которые могут быть опосредованно задействованы в решении философской проблемы свободы. Так, например, известные результаты, полученные нейробиологами и послужившие источником неправомερных утверждений об иллюзорности свободы человека (см. [Haggard P., Newman C., Magno E., 1999]), [Libet V., Gleason C.A., Wright E.W., Pearl D.K., 1983]), фактически раскрывают некоторые темпоральные характеристики процессов, с одной стороны, бессознательной и, с другой стороны, сознательной детерминации определенных действий человека (см. об этом подробнее [Финогентов, 2019]).

Список литературы

- Айер, 2010 – *Айер А.Дж.* Язык, истина и логика. М., 2010.
- Вайсман, 2001 – *Вайсман Ф.* Как я понимаю философию / Путь в философию. Антология. М., СПб., 2001, с. 42-61.
- Витгенштейн, 1994 – *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть 1. М., 1994.
- Камю, 1990 – *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.
- Кант, 1980 – *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980.
- Капнап, 2001 – *Капнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка/ Путь в философию. Антология. М., СПб., 2001, с. 66-78.
- Ойзерман, 1969 – *Ойзерман Т.И.* К вопросу об истоках и специфике философских проблем / Вопросы философии. 1969, № 6, с. 116-127.
- Поппер, 2001 – *Поппер К.* Какой мне видится философия / Путь в философию. Антология. М., СПб., 2001, с. 123-136.
- Поппер, 2004 – *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. М., 2004.
- Прытков, 1998 – *Прытков В.П.* Проблема / Современный философский словарь. Лондон... 1998, с. 701-705.
- Рассел, 2007 – *Рассел Б.* Избранные труды. Новосибирск. 2007.
- Финогентов, 2009 – *Финогентов В.Н.* Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., 2009, с. 207-244.
- Финогентов, 2019 – *Финогентов В.Н.* К онтологии свободы / Журнал «Научные ведомости БелГУ», серия «Философия. Социология. Право». 2019, Том 44 № 1, с. 215-224.
- Финогентов, 2020 – *Финогентов В.Н.* К вопросу о реальности времени / Журнал «Наука. Культура. Искусство», 2020, № 1(25), с. 109-126.

Шлик, 2001 – *Шлик М.* Будущее философии / Путь в философию. Антология. М., СПб., 2001, с. 66-78.

Haggard, Newman, Magno 1999 – *Haggard P., Newman C., Magno, E.* On the perceived time of voluntary actions. *British Journal of Psychology*, 90 (Pt. 2), 291-303. (In En.)

Libet, Gleason, Wright, Pearl D, 1983 – *Libet B., Gleason, C.A., Wright, E.W., Pearl D.K.* Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential): The unconscious initiation of a freely voluntary act. *Brain*, 106 (Pt. 3), 623-642. (In En.)

List of references

Ayer, 2010 – *Ayer A. J.* Language, truth and logic. M., 2010.

Weissman, 2001 – *Weissman F.* How I understand philosophy / The Path to Philosophy. Anthology. M., St. Petersburg, 2001, pp. 42-61.

Wittgenstein, 1994 – *Wittgenstein L.* Philosophical works. Part 1. M., 1994.

Camus, 1990 – *Camus A.* The rebellious man. Philosophy. Politics. Art. M., 1990.

Kant, 1980 - *Kant I.* *Trektaty i pishchiny.* M., 1980.

Kapnap, 2001 – *Karnap R.* Overcoming metaphysics by logical analysis of language/ Path to Philosophy. Anthology. M., St. Petersburg, 2001, pp. 66-78.

Oizerman, 1969 – *Oizerman T. I.* On the question of the origins and specifics of philosophical problems / *Voprosy filosofii.* 1969, No. 6, pp. 116-127.

Popper, 200 – *Popper K.* What I see philosophy / The Way to philosophy. Anthology. M., St. Petersburg, 2001, pp. 123-136.

Popper, 2004 – *Popper K. R.* Assumptions and refutations: The growth of scientific knowledge. M., 2004.

Prytkov, 1998 – *Prytkov V. P.* *Problema / Modern Philosophical dictionary.* London ... 1998, pp. 701-705.

Russell, 2007 – *Russell B.* Selected Works. Novosibirsk. 2007.

Finogentov, 2009 – *Finogentov V. N.* Religious Renaissance or philosophy of humanism? The ideological choice of the modern culture. M., 2009, pp. 207-244.

Finogentov, 2019 – *Finogentov V. N.* To the ontology of freedom / *Journal "Bulletin of Belgorod state University"*, the series "Philosophy. Sociology. Right." 2019, Volume 44 No. 1, pp. 215-224.

Finogentov, 2020 – *Finogentov V. N.* On the question of the reality of time / *Journal "Science. Culture. Art"*, 2020, № 1(25), p. 109-126.

Shlik, 2001 – *Shlik M.* The Future of Philosophy / The Path to Philosophy. Anthology. M., St. Petersburg, 2001, pp. 66-78.

Haggard, Newman, Magno 1999 – *Haggard P., Newman, S., Magno, E.* On the perceived time of voluntary actions. *British journal of psychology*, 90 (P. 2), 291-303. (In En.)

Libet, Gleason, Wright, Pearl, 1983 – *Libet B., Gleason C. A., Wright E. W., Pearl D. K.* Time of conscious intention to act in connection with the beginning of cerebral activity (readiness-potential): the unconscious initiation of a freely voluntary act. *Brain*, 106 (page 3), 623-642. (In En.)